

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИНТЕРЕСНЫЕ, РАЗНЫЕ

НИКОГДА ЕЩЕ, даже в периоды наивысшего расцвета музыкального искусства любого века и любой страны, не наблюдалось такого постоянного и широкого притока все новых и новых творческих сил, такой концентрации новых произведений, какая происходит сейчас в нашей музыке. Пусть некоторые из них лишены печати исключительной творческой индивидуальности. Но если они отличаются хорошим вкусом и высоким профессионализмом, то уже это одно служит благодарной «питательной средой» для созревания талантов и для развития культуры массового восприятия музыки. Кроме того, в большинстве из них ставятся серьезно и остро большие и актуальные творческие проблемы. И это будоражит и возбуждает творческую мысль, способствует интенсивности общего развития.

Мысли эти возникают под впечатлением новых симфоний ленинградских композиторов. Их много. Они разнообразны по характеру, стилю, форме и строению и принадлежат представителям самых разных поколений.

Нельзя не усмотреть в этом обильном симфоническом «урожае» прямого результата плодотворной работы камерно-симфонической секции Ленинградского отделения Союза композиторов РСФСР, руководимой О. Евлаховым. Из всех остальных творческих секций отделения эта — самая деятельная. На ее собраниях бывает много споров. Нередко сюда приходят студенты консерватории. Бывает, что и здесь звучат нигилистические речи о том, что «функциональная система гармонии себя изжила», что «сонатная форма представляет собой устаревшую условность», что «музыкальный тематизм может

выражаться не только в мелодической форме, но и в виде тембрового пятна». Но все подобные «утверждения» находят достойную отповедь и тщательные разъяснения со стороны участников секции.

За последний период прозвучали и «вошли в строй» шесть новых симфоний — В. Салманова, Б. Арапова, В. Маклакова, Б. Тищенко, И. Цветкова, Г. Фиртича. Скоро появятся еще три — О. Евлахова, С. Чичериной и Г. Устольской.

Самое отрадное в этом изобилии новых симфоний то, что среди них нет произведений-близнецов. Каждая родилась на основе самостоятельного индивидуального замысла.

Вот «Детская симфония» В. Салманова, премьера которой состоялась в конце минувшего года (исполнил оркестр Ленинградской филармонии, дирижировал Э. Грыкуров).

Все три части симфонии миниатюрны, темы лаконичны и незатейливы, интонационный и гармонический язык прост. Оркестровая фактура, значительно более сложная, образно конкретна, подчас даже иллюстративна. Но при всем неоспоримом мастерстве, с каким выполнил композитор поставленное себе задание, хочется в какой-то мере оспорить самый замысел. Правомерны ли в наши дни традиционные критерии «облегченности» содержания и «игрушечности» форм, установившиеся в «музыке для детей» еще в прошлом веке, — критерии, правда, освященные именами Шумана и Чайковского? Не заслуживают ли наши ребята более серьезного тона беседы с ними, более психологизированного музыкального повествования?

Другая ленинградская симфоническая премьера — результат инициативы не концертных организаций, а Комитета радиовещания. Это уже неоднократно передаваемая в эфир Третья симфония Б. Арапова, посвященная важной теме борьбы за мир (исполнитель — оркестр Ленинградской филармонии, дирижер А. Янсонс).

Тема раскрыта автором широко. Показана картина гигантских разрушений, причиненных минувшей войной. Этому посвящена экспрессивная и не лишенная трагического колорита первая часть, где злоеущие батальные эпизоды чередуются с мрачными пейзажами. Вторая — обличительный памфлет, направленный

против поджигателей войны. Он дан в форме пародии на экзотически-судорожный, «мечущийся» модный современный западный танец. С этим приемом (уже в третьей части) перекликаются «музыкальные шаржи»: нетрудно уловить звуковую карикатуру в петушиных фанфарах трубы, в иронически цитированном мотиве песенки «Ах, мейн либер Августин».

Быть может, прямое сопоставление этих двух частей и подход к теме борьбы за мир лишь после очень продолжительного экспонирования отрицательных образов — известный драматургический просчет.

Но зато третья, лучшая, часть цикла безусловно является смысловым центром произведения. Названная автором «Мир победит войну», она открывается светлой, напевной темой в духе героизированной романтической лирики. За нею следует пасторального склада мелодия, как бы рисующая идиллически-мирный пейзаж, противопоставляемый предыдущим картинам. Обе темы экспозиции — это воплощенные сил мира. Внезапно врываются грозные силы войны. На высшей точке борьбы полярных образов появляется драматичная тема первой части. И вслед за ее возникновением постепенно निकнут, слабеют агрессивные силы. Финал симфонии — своего рода постигудия умиротворенного созерцательного характера. Звучат возгласы птиц, слышится пение женского хора и колокольные перезвоны. Все это очень красиво и очень благозвучно. Но безмятежность нарисованной звуковой идиллии кажется необоснованной после драматических коллизий предыдущих частей произведения.

Симфония Арапова, отмеченная высоким мастерством оркестрового письма, принадлежит к области изобразительного, иллюстративного симфонизма. И в этом — ограниченность средств, избранных автором для решения такой большой, едва ли не центральной для нашей современности темы.

Несколько мыслей и о симфониях, еще ждущих своего исполнения. Психологичность, внутренний душевный мир современного

советского человека составляют содержание симфонии В. Маклакова. Она необычна по построению: после двух медленных частей следует быстрая, в свою очередь предваренная медленным вступлением. Это широкое «звуковое поле» насыщено сосредоточенно-серьезной и в то же время эмоционально-порывистой музыкой. Быть может, пропорции отдельных эпизодов покажутся излишне укрупненными главным образом из-за неспешности тона повествования. Но в целом принятый автором метод изложения может быть уподоблен «крупному плану» в кинофильме или подчас даже «замедленной съемке», позволяющей следить за изображаемым словно через увеличительное стекло.

Это принципиально иная категория симфонического мышления, нежели в симфониях Салманова и Арапова. Ничего внешнего, ничего только изобразительного. Красочность оркестровой палитры, разнообразие и острота гармонического языка — лишь средства для раскрытия и выражения душевных, эмоциональных состояний. К некоторым недостаткам симфонии относятся ее чрезмерная протяженность и незначительные частные дефекты инструментовки, которые легко могут быть исправлены в процессе репетиций.

Нет возможности останавливаться на других произведениях — на темпераментной и яркой пятчастной симфонии Б. Тищенко, волевой и драматичной И. Цветкова, «Поэме о мире» Г. Фиртича и других, находящихся в работе. Но ясно, что при всей прочности творческого контакта, существующего между ленинградской композиторской организацией и Ленинградской филармонией, а также Ленинградским радиокомитетом, мы уже сейчас стоим перед трудно разрешимой задачей — своевременно донести до слушателей живое звучание новых симфонических партитур. Разрыв между повышающейся продуктивностью творчества и реальными возможностями исполнения растет. И его во что бы то ни стало надо преодолеть.

В. БОГДАНОВ-БЕРЕЗОВСКИЙ.
ЛЕНИНГРАД.